

Г. С. Чувардин

**«ИМПЕРАТОР КИРИЛЛ I»
И ПРАВОМОНАРХИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ РОССИИ:
НАДЕЖДЫ, ОТЧАЯНИЕ, ФАРС**

В статье анализируются процессы становления и эволюции политического движения «легитимизм» в русской эмиграции 1920–1930-х годов. В центре исследовательского интереса находится личность самопровозглашенного российского «императора в изгнании» великого князя Кирилла Владимировича. В качестве основного предмета исследования выступают социальный облик движения, его ценностные ориентиры, особенности понимания дальнейшего пути развития России, формы политической борьбы. Отдельной темой статьи является определение места в эмиграции офицеров Российской императорской гвардии, в первую очередь «гвардейского генералитета», а также степень вовлеченности данной условной группы членства в различные течения правомонархического движения. Исследование осуществляется в контексте анализа особенностей русской политической эмиграции в заявленных хронологических рамках.

В статье делается вывод о непоследовательном (в области программных установок и сотрудничестве с разнородными политическими силами вплоть до национал-социализма) и даже авантюрном характере рассматриваемого движения, крайней неоднозначности механизмов политической борьбы, очевидной размытости и популистском содержании политических лозунгов. Глубокий кризис «легитимизма» и его политическое фиаско связываются со смертью великого князя, личность которого являлась едва ли не единственной связующей всех элементов движения.

военная эмиграция; легитимизм; «кирилловцы»; Русский общевоинский союз; монархизм; императорская гвардия

В последнее десятилетие в политических дискуссиях о будущем России все чаще встречаются рассуждения о необходимости возрождения монархии. Данные политические фантазии являются прямой отсылкой к процессам, вызванным Первой мировой войной и порожденной ею цепью различного рода трагических явлений. Отречение Николая II стало началом катастрофического калейдоскопа событий 1917–1921 годов, наиболее ужасающим из которых следует считать братоубийственную Гражданскую войну, общее число жертв которой до сих пор вызывает острые исторические дискуссии.

Последствием победы большевиков стало образование за границей значительной русской диаспоры (согласно данным Лиги Наций, Россию покинуло 1 160 000 человек¹), представленной различными социальными группами, исповедующими сложную совокупность политических идей и смутных переживаний как «правого», промонархического, так и «левого», либерального, толка. Значительный процент в среде этих людей занимали «военные» (на начало 1920-х годов только в списках Русского общевоинского союза (РОВС) числилось около 100 тыс. человек), которых отличала «беспомощность» в политических вопросах, связанная с брезгливым отношением к политике и ставшая важной составляющей идеологии «непредрешенчества». Этому отчасти способствовала линия, проводимая руководством РОВСа: 8 сентября 1923 года барон Н. П. Врангель издал приказ № 82, запрещающий офицерам вступать в политические организации и обсуждать политические вопросы².

Однако то, что было хорошо для предвоенного офицерского лоялизма, являлось абсолютно неприемлемым в условиях эмиграции, когда возникла необходимость как в «спасении страны», так и того жизненного уклада, которого эти люди лишились. Именно «военная» часть эмиграции,

¹ Исследователь В. Ю. Жуков предполагает, что численность эмигрантов могла достигать до 2,5 млн человек (См.: Русская эмиграция и фашизм. Статьи и воспоминания / отв. ред. и сост. Ю. В. Жуков. СПб. : С.-Петербург. гос. архитектурно-строит. ун-т, 2011. С. 12).

² См.: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5826. Оп. 1. Д. 4. Л. 262.

прежде всего в формате обер-офицерства, оказалась наиболее мятущейся и озлобленной на все происходящее.

В становлении эмигрантского вектора монархизма (условно разделенного на «легитимизм» и «непредрешенчество», а также на левый, правоцентристский и правый) можно выделить три этапа.

Первый этап. В этот период происходит активный поиск претендента, хотя бы и номинального, на роль объединителя монархических, а по возможности и либеральных политических сил за границей. Первоначально в качестве возможных фигур назывались вдовствующая императрица великая княгиня Мария Федоровна и великие князья Дмитрий Павлович и Кирилл Владимирович. В конечном итоге выбор остановился на последнем.

В то же время в «Основных положениях...», принятых I съездом хозяйственного восстановления России, призванным объединить монархистов, подчеркивалось, что единственный путь для возрождения страны — восстановление в ней монархии, но в строгом «согласии с основными законами Российской империи»³ (что затрудняло отдельным великим князьям, в первую очередь Кириллу Владимировичу, легитимно занять престол), при этом вел. кн. Кирилл Владимирович, занявший в соответствии с Манифестом от 8 августа 1922 года место «блюстителя государева престола», в целом устраивал различные слои эмиграции, но именно как временная фигура. В данный отрезок времени великий князь пытался путем апелляции к народу снять юридические противоречия, связанные с его претензиями на престол. В сводках Государственного политического управления (ГПУ) отмечалось: «ГПУ информировало, что Кирилл Владимирович считает себя до некоторой степени либералом, придерживается той точки зрения, что восстановление трона в России возможно лишь при поддержке и помощи русского крестьянства»⁴.

Претензии вел. кн. Кирилла на престол не поддержали ни вел. кн. Мария Федоровна, до последнего не желавшая верить в смерть сына и внуков, ни вел. кн. Николай Николаевич-младший, который, по воспоминаниям вел. кн. Владимира Кирилловича, «...взял на себя руководство всеми теми группировками русских изгнанников, которые образовывались из эвакуированных частей армии барона Врангеля»⁵, ни, как следствие, барон П. Н. Врангель, ни Высший монархический совет (ВМС). Данный период «метаний» и сомнений завершился в 1924 году. Уже к 1923 году все отчетливее стало проявляться, пусть и незначительное по численности, движение «легитимистов», ориентирующееся исключительно на вел. кн. Кирилла. Одновременно произошел раскол ВМС на четыре самостоятельные группы («легитимистов-абсолютистов» во главе с Н. Е. Марковым-2; «конституционалистов» во главе с А. Н. Масленниковым и Е. А. Ефимовским, «Братство белого креста» во главе с А. Н. Павловым и С. Е. Крыжановским и «Мюнхенскую», связанную с «Ауфбау», во главе с В. В. Бискупским, вице-президентом «Ауфбау»)⁶.

В противовес РОВСу был создан Корпус императорской армии и флота (КИАиФ), призванный привлечь в свои ряды военную часть эмиграции. Желая разрушить РОВС, вел. кн. Кирилл Владимирович заявил о недопустимости распыления военных сил и необходимости создания единой армии.

Второй этап. Ситуация изменилась после подписания Манифеста 13 сентября 1924 года, в котором вел. кн. Кирилл Владимирович объявил себя императором. Данное решение буквально звучало так: «...Я, Старший в Роде Царском, Единственный законный правопреемник Российского Императорского Престола, принимаю принадлежащий Мне непререкаемо Титул Императора Всероссийского»⁷. Далее князь объявлял Наследником Престола своего старшего сына и клялся блюсти православную веру и российские основные законы о престолонаследии.

Таким образом, с 1924 года начался второй период, который можно рассматривать как противостояние сторонников вел. кн. Николая Николаевича-младшего, всецело

³ Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг. : документы и материалы / под ред. А. Ф. Киселева. М. : ВЛАДОС, 1999. С. 115.

⁴ 1922 год: из документов ВЧК-ОГПУ о деятельности русских монархических организаций в СССР и за рубежом. URL : <http://inmrf.ru/russian-history/the-fate-of-the-russian-statehood/1922-god-iz-dokumentov-vchk-ogpu-o-deyatelnosti-russkih-monarhicheskikh-organizacij-v-sssr-i-za-rubezhom.html> (дата обращения:).

⁵ Кирилл I Владимирович. Государь Император Всероссийский в изгнании, 1876–1938. Мемориальный сборник к 130-летию со дня рождения / сост. и ред. К. К. Немирович-Данченко. М., 2008. С. 26.

⁶ См.: 1922 год: из документов ВЧК-ОГПУ о деятельности русских монархических организаций в СССР и за рубежом.

⁷ Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг. С. 74.

ориентирующегося на «союзников» (страны Антанты), и «кирилловцев», рассматривающих в качестве возможных союзников, или по крайней мере *попутчиков*, Германию и правые группы различного идеологического толка. Вел. кн. Кирилл также получал ощутимую поддержку из США. Указанное противостояние продолжалось до смерти вел. кн. Николая Николаевича-младшего. Примечательно, что уже в 1926 году П. Б. Струве видел в качестве единственной политической фигуры, способной объединить «монархистов-доктринеров», вел. кн. Кирилла Владимировича⁸.

Третий этап. Данный этап к началу 1930-х годов был связан с постепенным переходом значительной части представителей политической эмиграции на позиции «кирилловцев»⁹.

В свою очередь в идеологическом плане вырисовывается следующий вектор эволюции монархических взглядов: от легитимизма и «непредрешенчества»¹⁰ с сохранением идеи единой и неделимой России к правым взглядам, связанным с пониманием революции как «жидо-масонского заговора», сознательно и активно поддержанного «союзниками», то есть Францией и Великобританией, и ставкой на «третий путь». В 1926 году центристами и правыми был сформулирован тезис, согласно которому территория России захвачена антирусским и антироссийским Интернационалом, важнейшей «подрывной» составляющей которого является СССР.

Середина 1930-х годов была связана с рассуждениями (и не более) на тему построения «социальной монархии» с элементами национал-большевизма и русского национализма как доктрины, весьма близкой в содержательном плане к итальянскому фашизму, что в конечном итоге было идеологическим тупиком движения «кирилловцев». В данном случае необходимо было считаться с триумфом национал-социализма в Германии.

Представители монархистской группы были вынуждены либо покинуть Германию, либо проявить абсолютную лояльность к нацистскому режиму, как это сделал генерал В. В. Бискупский, ставший в конечном итоге главой Национального координационного агентства по эмигрантским делам — Бюро русских беженцев (*Vertrauenstelle für Russische Flüchtlinge*), курируемого ГЕСТАПо. К указанному отрезку времени в Германии по-прежнему оставалось 125 тыс. русских эмигрантов.

В отношении некоей условной «конкуренции» между вел. кн. Николаем Николаевичем-младшим и вел. кн. Кириллом Владимировичем можно отметить следующее: до 1922 года вел. кн. Кирилл, изъявивший согласие представлять монархическое движение, считался единственной возможной фигурой для консолидации монархических сил различного толка, а также одним из претендентов на роль императора со стороны легитимистов в формате ВМС, представители которого полагали, что для восстановления монархии необходимо всего лишь наличие «законных прав на престол».

К середине 1920-х годов вел. кн. Кирилл Владимирович был преимущественно связан с «германской» эмиграцией. Его поддерживали генерал П. В. фон Глазенап, генерал П. Н. Краснов, мюнхенская группа монархистов, в которой важную роль играл генерал В. В. Бискупский, связанный с «Ауфбау» и «Балтикум» и организовавший Русское монархическое объединение в Баварии. Популярность великого князя среди монархических групп была существенной, но не подавляющей. Государственное политическое управление отмечало «значительный рост кирилловщины»¹¹ в 1921–1922 годах, при этом указывалось, что вел. кн. Кирилл имел «за собой 80 % работавших за границей монархистов и других примыкающих к ним групп»¹² и что подобная популярность великого князя в Германии обусловлена устойчивой поддержкой его «германскими промонархическими кругами», генералом Э. Людендорфом, баварским правительством и

⁸ См.: Назаров М. Миссия русской эмиграции. Т. 1. Ставрополь : Кавказский край, 1992. С. 42.

⁹ По одной из версий термин «кириллисты» и «кириллизм» был запущен в политический оборот И. А. Ильиным (в середине 20-х гг. XX в.), причем сам он относился к данному, во многом стихийному движению крайне негативно.

¹⁰ На I Бад-Рейхенгалльском съезде особо подчеркивалось, что съезд «...не считает себя вправе за рубежом России предопределять будущие формы государственного устройства Империи Российской» (см.: Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг. С. 116).

¹¹ Колодникова Л. П. Документы информационной службы ВЧК-ГПУ о деятельности в начале 1920-х годов русских зарубежных монархических организаций // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т. 11, № 2. С. 254.

¹² Там же.

германскими промышленниками, которые выделили ему около 5 млн золотых марок, в то время как популярность его во Франции и ряде других европейских стран стремительно падала¹³.

На Парижском съезде монархистов в 1926 году констатировалось, что подавляющая часть эмиграции перешла на позиции монархизма в «той или иной форме». К указанному моменту вел. кн. Кирилл Владимирович уже провозгласил себя императором Кириллом I и постепенно начал придерживаться правых взглядов. Как следствие, возник вопрос о его политической программе. При этом следует учитывать, что у него был действительно уникальный шанс объединить весь монархический вектор эмиграции в единое консолидированное антибольшевистское движение. Очевидным было и то, что после Рапальского договора и признания СССР рядом европейских государств существовавшая в начале 1920-х годов иллюзия на возможность новой интервенции стремительно разрушалась.

Политические взгляды вел. кн. Кирилла начала 1920-х годов в целом сводились к установкам «легитимизма», но, в отличие от последних, характеризовались *крайне противоречивым содержанием*. На это, в частности, указывала вел. кн. Мария Павловна, дочь вел. кн. Павла Александровича и сестра одного из участников убийства Распутина вел. кн. Дмитрия Павловича. Она считала, что при всем разнообразии эмигрантских образований в первой половине 1920-х годов вел. кн. Кирилл снискал себе популярность только среди *незначительной* по численности группы ортодоксальных монархистов. В отношении их политических пристрастий, а скорее переживаний, она писала: «В конце августа великий князь Кирилл Владимирович, двоюродный брат покойного государя и первый в иерархии престолонаследия, объявил себя императором... Однако приверженцев у него было не много, поскольку он так и не сформулировал лозунг, способный привлечь к нему костяк монархистов... Лишь небольшая фракция монархистов, так называемые легитимисты, приветствовали его шаг, большинство же ответило взбешенным непризнанием. А легитимисты, для которых вековые традиции были единственной отрадой в распавшемся мире, обрели номинального главу, на кого и уповали теперь»¹⁴.

Следует обратить внимание на то, что вел. кн. Кирилл был категорически против интервенции извне. Главные его опасения были связаны с нечистоплотностью «друзей» и, как следствие, высокой вероятностью расчленения страны в случае вторжения сил «союзников» («союзникам» не могли простить «восторженную» поддержку февральского переворота¹⁵ и крайне противоречивую позицию во время Гражданской войны).

Определенная популярность вел. кн. Кирилла в эмигрантских кругах была обусловлена тем, что он «бежал» из России еще в 1917 году, и, несмотря на то, что некоторый отрезок времени прожил в изоляции в Финляндии, смог выстроить контакты прежде всего по линии своей жены Виктории Мелиты, герцогини Саксен-Кобург-Готской («Даки») ¹⁶, с различными политическими силами, включая официальных представителей властных кругов Франции, Германии и Великобритании. Именно «Даки» будет своеобразным вдохновителем высокой политической активности великого князя с начала 1920-х годов и до конца его жизни.

Вел. кн. Николай Николаевич-младший особенно после «разоружения» П. Н. Врангеля стал более осторожным и в «большую политику» не стремился. Примечательно, что после объявления себя «блюстителем государева престола», вел. кн. Кирилл предложил ему пост Главнокомандующего, но тот предложение проигнорировал, а по факту не принял.

Вел. кн. Николай Николаевич-младший опирался на представителей военной эмиграции, преимущественно из среды «врангелевцев». Вел. кн. Мария Павловна отмечала, что он «...своей властью и личным авторитетом объединил рассеянные на чужбине остатки Белой армии»¹⁷. Фактически же он был провозглашен главой РОВСа после его создания и, в силу своей «осторожности» (по замечаниям современников, «бездействия») и нежелания вступать в различные политические альянсы¹⁸, находился в тени генерала П. Н. Врангеля, при этом самого

¹³ 1922 год: из документов ВЧК-ОГПУ о деятельности русских монархических организаций в СССР и за рубежом.

¹⁴ Великая княгиня Мария Павловна. Мемуары. М. : Захаров, 2017. С. 470.

¹⁵ См., напр., заявление представителя французской армии (см.: Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917) / сост. В. М. Осин, В. М. Хрусталева. М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2008. С. 261–262.

¹⁶ Являлась внучкой британской королевы Виктории, в 1909 году приняла православие и стала именоваться Викторией Федоровна. Тогда же ей был пожалован титул «великая княгиня».

¹⁷ Великая княгиня Мария Павловна. Мемуары. С. 470.

¹⁸ Там же.

Врангеля как фигуру более независимую и менее управляемую в силу своего колоссального авторитета, пытались заменить полностью лояльным великому князю А. П. Кутеповым.

Очевидно, что именно П. Н. Врангеля и его сторонников вел. кн. Мария Павловна считала «теми ветеранами», которые «ничуть не поумнели после революции» и «...стеной обступили великого князя», активно мешая ему и «молодым патриотам» (видимо, ее брату вел. кн. Дмитрию Павловичу) «спасти» Россию¹⁹. По сути обозначилась некая тенденция в политическом процессе, характерная для предвоенной России: Романовы выступали представительными фигурами, своеобразным пропагандистским приемом различных политических сил, часто нескольких сразу, причем с крайне противоположными политическими убеждениями. Общую же позицию Романовых «в изгнании» однозначно выразил вел. кн. Петр Николаевич: «Считаю своим долгом, как член семьи Романовых, стоять вне всяких партий, союзов и политических агитаций, в какой бы форме они не проявлялись»²⁰.

«Конкурентная борьба» между великими князьями воспринималась как противостояние старорежимного аристократа, воспитанного в традициях эпохи Александра II последним «русским барином» вел. кн. Владимиром Александровичем, длительное время возглавлявшим войска Императорской гвардии и С.-Петербургский военный округ, и человеком, прошедшим через реалии политической и военной модернизации предвоенного периода и являвшимся одним из организаторов этой модернизации.

После Русско-японской войны вел. кн. Кирилл был отстранен от политической жизни. Некоторое время он находился за границей «в ссылке» по причине «неудачного брака», встретившего осуждение императора и в первую очередь императрицы: вел. кн. Кирилл женился на разведенной супруге родного брата императрицы Александры Федоровны — великого герцога Эрнста Людвиг Гессенского и Рейнского. В 1910 году вел. кн. Кириллу Владимировичу было присвоено звание капитана 1-го ранга и дозволено вернуться на родину. В указанный период он играл в политической жизни России роль высокопоставленного статиста. Отдельные современники вспоминали вел. кн. Кирилла предвоенной эпохи как человека «простого и порядочного»²¹.

С началом Первой мировой войны, в октябре 1914 года, великий князь получил должность исполняющего обязанности «наблюдающего за морскими командами действующей армии». В ноябре он был назначен начальником морских батальонов, а в феврале 1915 года ему было присвоено звание контр-адмирала Свиты Его Императорского Величества. Наконец, 9 сентября 1915 года вел. кн. Кирилл становится начальником морских батальонов и речных флотилий. В указанной должности до ухода в отставку он оставался до марта 1917 года.

В годы Первой мировой войны великий князь много ездил по стране и периодически находился в Ставке. В 1915 году, после смерти контр-адмирала Н. М. Толстого, возглавил Гвардейский флотский экипаж, но фактического руководства им не осуществлял и в боевых действиях не участвовал. Он был одним из тех, кто пытался отговорить императора от возложения на себя звания Главнокомандующего²².

Вел. кн. Николай Николаевич-младший командовал Русской армией до осени 1915 года. Затем продолжал командовать русскими войсками на Кавказе. В войсках он зарекомендовал себя как опытный высокопрофессиональный военачальник, к тому же с его именем ассоциировались попытки спасения страны накануне революции. Но одновременно с этим ему приписывалось участие в заговоре против императора Николая II. Тем не менее в эмиграции популярность его была не столь высока. «...В то время как Гинденбург за год сумел заслужить общее одобрение, отмечал А. А. фон-Лампе, великий князь Николай Николаевич заслужил всеобщее порицание», проявлял крайнюю политическую «пассивность» («...правые казаки восстают против бездействия великого князя Николая Николаевича»²³), при этом на снижении его роли спасателя страны сказалось также устойчиво сохранившаяся значительная популярность «среди простого офицерства» барона П. Н. Врангеля. Ряд офицеров также считал, что своим «бездействием» вел. кн. Николай Николаевич дискредитировал деятельность РОВСа.

Если вел. кн. Кириллу пришлось вести настоящую войну с «непредрешенцами», то вел. кн. Николай Николаевич-младший в конечном итоге записался в «скрытые противники» барона П. Н. Врангеля, который к середине 1920-х годов занял позицию между «непредрешенчеством» и

¹⁹ Там же. С. 471.

²⁰ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 12. Л. 501.

²¹ Лемке М. К. 250 дней в царской ставке 1916. Минск : Харвей, 2003. С. 649.

²² Там же.

²³ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. № 30. м/ф.1 Дневник № 63–68. Л. 8.

монархизмом, причем «война эта велась», если можно так сказать, невоенными методами. А. А. фон-Лампе отмечал, что вел. кн. Николай Николаевич несколько раз лишал П. Н. Врангеля средств, забирая у него «последние» деньги, в том числе «предназначавшиеся для пособий офицерам»²⁴. Наконец, 12 января 1926 года Врангель был окончательно лишен сметных ассигнований²⁵. Примечательно, что к «антиврангелевской кампании» присоединились и сторонники вел. кн. Кирилла Владимировича. А. А. фон-Лампе писал: «Вообще против Петра Николаевича идет довольно сильная работа, в которой стараются: ВМС, кириллисты, Деникин, Кутепов... вот он наконец «общий фронт», который не могут создать против большевиков!»²⁶.

Следует отметить, что к 1924–1925 годам вел. кн. Кирилла Владимировича стали активно поддерживать гвардейские офицеры «из молодых», то есть офицеры «военного призыва», которые последовательно игнорировали РОВС, демонстрируя «нездоровый сепаратизм». «...Преображенцы, Конная гвардия (меньше других), кирасиры Ее В., Конная артиллерия, частью уланы Ее В. (кроме служащих у меня) — все это, щеголяя преданностью нездоровому течению монархизма, бравирует своею «независимостью» по отношению к командованию», — писал А. А. фон-Лампе в отношении гвардейских союзов и «молодых гвардейцев»²⁷. Следует отметить, что предвоенные гвардейцы также не являли собой однородную группу. Часть офицеров, принадлежавших к высшей аристократии, постепенно вышла из войны в 1914–1915 годах и оказалась за границей значительно раньше «февральской катастрофы».

Особое место в гвардейской эмигрантской среде занимали предвоенные гвардейские генералы, которые либо старались политикой не заниматься, либо, подобно В. М. Безобразову (в указанный момент генералу было 64 года) или барону Е. А. Рауш-фон-Траубенбергу, «пассивно» примкнули к ВМС, а затем опять же «пассивно» поддержали вел. кн. Кирилла Владимировича. Примечательно, что на I Бад-Рейхенгалльском съезде (из 100 делегатов) присутствовало 14 генералов и 1 адмирал²⁸ (см. табл. 1).

Таблица 1

Сведения о присутствующих на съезде делегатов из числа военных

№ п/п	Ф.И.О.	Титул	Звание	Принадлежность к гвардии; особые примечания
1.	Кеппен Владимир Густавович (1885–1960)	барон	ген.-майор	
2.	Кантакузен Владимир Георгиевич (1872–1937)	князь	ген.-майор	В марте-октябре 1917 г. командовал Л.-гв. Гусарским полком
3.	Паттон Петр Иванович (Паттон-Фантон-де-Верайон) (1866–1941)	-	адм.	
4.	Есимонтовский Андрей Васильевич (1889–1947)	-	ген.-майор	Офицер Л.-гв. Измайловского полка; кавалер ордена Св. Георгия IV ст.
5.	Голеевский Николай Лаврентьевич (1878–1958)	-	ген.-майор	Офицер Ген. штаба; цензовое командование отбывал в Л.-гв. Павловском полку; по всей вероятности масон
6.	Долгоруков Александр Николаевич	князь	ген.-майор	Офицер Л.-гв. Кавалергардского полка; окончил Николаевскую

²⁴ Там же. Л. 36.

²⁵ См.: Голдин В. И. Солдаты на чужбине. Русский общевоинский союз, Россия и русское зарубежье в XX–XXI вв. Архангельск: СОЛТИ, 2006. С. 101.

²⁶ Там же. С. 32.

²⁷ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 14. м/ф 3. Л. 208.

²⁸ Сводка Иностранного отдела ВЧК о русском монархическом движении за границей // Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 1 : Так начиналось изгнание 1920–1922 гг. Кн. 2. М. : Гя, 1998. С. 462.

	(1872–1948)			академию Ген. штаба; к началу Первой мировой войны командир Л.-гв. Кавалергардского полка (декабрь 1912 — ноябрь 1914 г.); кавалер ордена Св. Георгия IV ст.
7.	Нирод Федор Максимилианович (1871–1952)	граф	ген.-майор	Офицер Л.-гв. Конного полка; командир Л.-гв. Драгунского полка (ноябрь 1912 — январь 1915 г.); командир 2-х бригад 1-й и 2-й гв. кавалерийской дивизии.
8.	Граббе Михаил Николаевич (1871–1952)	граф	ген.-майор	Офицер Л.-гв. Казачьего полка; командир Л.-гв. Сводно-казачьего полка (сентябрь 1911 — январь 1915 г.); командир 3-й бригады 1-й гв. кавалерийской дивизии; кавалер ордена Св. Георгия IV ст.
9.	Мрозовский Иосиф Иванович (1857–1934)	-	ген. артиллерии	Начальник 1-й гв. пехотной дивизии (1908–1912 гг.).
10.	Безобразов Владимир Михайлович (1857–1932)	-	ген. кавалерии	Офицер Л.-гв. Гусарского полка; командир Л.-гв. Кавалергардского полка (май 1900 — апрель 1904 г.); нач. 1-й бригады 1-й гв. кавалерийской дивизии; начальник 2-й гв. кавалерийской дивизии; командующий Гв. корпусом; с 1916 г. командующий войсками Гвардии.
11.	Рауш-фон-Траубенберг Евгений Александрович (1855–1923)	барон	ген. кавалерии	Офицер Л.-гв. Конного полка; командир Л.-гв. Кирасирского полка (07.04.1899 — 18.12.1900 г.); нач. штаба Гв. корпуса
12.	Шульман Сергей Николаевич (1869–1927)	-	ген.-майор	Офицер Л.-гв. 1-й артиллерийской бригады.
13.	Бискупский Василий Викторович (1878–1945)	-	ген.-лейт.	Офицер Л.-гв. Конного полка
14.	Арсеньев Евгений Константинович (1873–1938)	-	ген.-лейт.	Офицер Л.-гв. Уланского Ее Величества полка; командир Л.-гв. Кирасирского Ее Величества полка (ноябрь 1914 — декабрь 1915 г.); командир 1-й гв. кавалерийской дивизии (1917 г.); кавалер ордена Св. Георгия IV ст.
15.	Мосолов Алексей Александрович (1854–1939)	-	ген.-лейт.	Офицер Л.-гв. Конного полка; нач. канцелярии Министерства императорского двора

Анализ приведенных в таблице статистических особенностей данной социальной микрогруппы позволяет сделать вывод о том, что из 14 генералов 8 офицеров (57 %) начинали службу и служили значительный отрезок времени в Императорской гвардии, командуя в ее рядах отдельными полками и соединениями, то есть были «коренными гвардейцами», из них 4 офицера начинали служить в Конной гвардии. К представителям титулованной аристократии принадлежало 6 человек, или 43 %. Всего же с гвардией в той или иной степени было связано 13 генералов. Указанные офицеры сохраняли определенную приверженность если уж не самой монархии в лице ее отдельных представителей, то по крайней мере «гвардейскому стилю» и стереотипу поведения. Для них патриотизм ассоциировался с монархией, но понимание монархии носило крайне примитивный

характер: восстановить законного царя, вернуть дореволюционный политический и социальный уклады.

Кроме этого, в списках I съезда прослеживается определенный процент полковников-гвардейцев, среди которых можно выделить отдельных аристократов-монархистов, поддержавших вел. кн. Кирилла, например полковника герцога Г. Н. Лейхтенбергского, офицера Лейб-гвардии Конного полка. Примечательно, что в отношении «миссии» офицеров Конной гвардии «по спасению Отечества» князь П. Р. Бермонд-Авалов (со слов А. А. фон-Лампе) говорил: «Почему это конная гвардия взяла патент на спасение отечества?!» — и действительно В. К. (вел. кн. — Г. Ч.) Дмитрий Павлович — ликвидация Распутина, Скоропадский — гетманство, Лейхтенбергский — Южная Армия, Врангель — наша Армия, Бискупский — попытки и проекты без конца»²⁹. Думается, что среди конногвардейцев был значительный процент аристократии, потерявшей в ходе революционных потрясений не только имущество, но и «особое» положение в обществе. С определенными оговорками конногвардейцев можно отнести, по меньшей мере, к военной элите. Значительная часть офицеров Конной гвардии предвоенного состава успешно пережила Мировую и Гражданскую войны, покинув ряды воюющей армии после Каушенской бойни и разгрома 1-й и 2-й армий в Восточной Пруссии.

Таким образом, в военной эмиграции обозначился еще один интересный феномен, характерный для России рубежа веков: с середины 1920-х годов наблюдается раскол в среде офицеров-эмигрантов на «армию» и «гвардию». На это по воспоминаниям А. А. фон-Лампе указывал в своих донесениях ряд старших офицеров. Офицер РОВСа полковник К. Н. Скуратов неоднократно отмечал, что «молодые офицеры гвардии» образуют «главным образом в Юго-Славии, отчасти же во Франции и Бельгии» независимые «ячейки» и не собираются вступать в уже существующие союзы и объединения. В первую очередь речь шла о РОВСе³⁰.

Следует отметить, что «гвардейское офицерство» открыто склонялось на сторону вел. кн. Кирилла Владимировича, который не требовал жесткого подчинения, дисциплины и субординации. Попытки противостояния этому расколу со стороны РОВСа успехов не имели.

Активному сближению вел. кн. Кирилла Владимировича с «гвардейцами», как наиболее преданной Престолу и «пассивной» части российской армии в предвоенный период, способствовал «великий визирь» вел. кн. Кирилла, конногвардеец, генерал Василий Викторович Бискупский.

Разыграть «гвардейскую» карту вел. кн. Кирилл Владимирович решил только в начале 1930-х годов, что отчасти было связано сначала со смертью П. Н. Врангеля, а затем вел. кн. Николая Николаевича-младшего, а также похищением советскими спецслужбами генералов А. П. Кутепова и Е. К. Миллера. Данные события нанесли серьезный удар по РОВСу и заставили его членов искать новые способы политической борьбы.

В своем дневнике А. А. фон-Лампе писал, что часть гвардейцев «металась» между различными монархическими группами и РОВСом, а гвардейские объединения сотрясали внутренние конфликты, развивавшиеся по линии офицеров разных возрастов. В отношении «своего», Семеновского, объединения он отмечал: «Вечером собралось Семеновское объединение, которое, как мне говорил Хольмсен, благодаря нетерпимости Тилло, который во всех добровольческих вождях видит республиканцев, — превратилось в разъединение»³¹. Показательна фраза о республиканской ориентации лидеров Белого дела, что, в частности, касалось П. Н. Врангеля и «негласного лидера» вел. кн. Николая Николаевича-младшего. Значительная часть гвардейцев старших возрастов сохраняла приверженность монархизму.

В 1931 году Кирилл Владимирович начинает поддерживать полковые объединения (речь идет преимущественно об объединениях гвардейских полков), а затем принимает действенное участие в возрождении гвардейских частей, первым из которых был Лейб-гвардии Измайловский полк.

Контакты с отдельными «измайловцами» (преимущественно склонными к различного рода авантюрам), предлагавшими свои «услуги» великому князю, обозначились еще в 1924 году.

²⁹ ГАРФ. Д. 5853. Оп. 1. Д. 16. м/ф 1. С. 31.

³⁰ См. там же. м/ф 4. Л. 21.

³¹ Там же. Д. 30. м/ф 1. Л. 47.

По воспоминаниям А. А. фон-Лампе (запись от 12.10.1924), «на стороне Кирилла — в Берлине орудует измайловский полковник Хомутов³², осужденный судом чести...»³³.

В 1931 году 22 офицера-измайловца во главе с полковником П. В. Данильченко (офицером еще довоенного состава полка³⁴) обратились к великому князю с прошением о возрождении полка. Вел. кн. Кирилл отменил распоряжение о расформировании полка большевиками (он прекратил свое существование в апреле 1918 года) и принял на себя шефство над указанной частью. В списки полка также был включен сын великого князя — Владимир Кириллович.

Отдельного внимания заслуживает личность «великого визиря» (указанный термин использует генерал Н. А. Епанчин³⁵) великого князя — генерала В. В. Бискупского, которого с уверенностью можно отнести к «политическим авантюристам». Именно благодаря В. В. Бискупскому, вел. кн. Кирилл Владимирович в политическом плане стремительно становился более консервативным.

Василий Викторович Бискупский родился 27 апреля 1878 года в семье вице-губернатора города Томска (его отец служил в Русской императорской гвардии). В соответствии со «Списком (по старшинству в чинах) генералов, штаб- и обер-офицеров и классовых чинов Лейб-гвардии Конного полка за 1907 г.», Бискупский происходил «из дворян Харьковской губернии»³⁶. В 1895 году окончил 2-й императора Петра Великого кадетский корпус в С.-Петербурге, а затем в 1897 году Николаевское кавалерийское училище с «занесением имени на мраморную доску»³⁷. Был выпущен в Лейб-гвардии Конный полк и в чине поручика добровольцем отправился на Русско-японскую войну (был прикомандирован подьесаулом ко 2-му Дагестанскому конному полку³⁸). Во время войны получил серьезное ранение «в грудь на вылет»³⁹. Награжден боевыми орденами: Святого Владимира IV степени с мечами и бантом, Святой Анны IV степени с надписью «За храбрость», Святой Анны III степени с мечами и бантом и Святого Станислава III степени с мечами и бантом. Указанный «дождь из наград» «пролился» в 1905 году⁴⁰. После войны вернулся в Лейб-гвардию Конный полк и получил должность командира 3-го эскадрона. В. В. Бискупский был аттестован помощником командира полка князем А. А. Манвеловым следующим образом:

«1) в служебном отношении: Во всех отношениях отличный строевой офицер, выдающийся и лихой эскадронный командир. Военная служба и строй — его сфера. Характера ровного, но строгий и требовательный к службе. <...> Пользуется любовью и уважением товарищей;

2) в физическом отношении: Здоровья крепкого и вынослив;

3) в умственном отношении: В высокой степени развит и всесторонне образован. Много читает, интересуется и следит за военной литературой и военным делом...;

4) в нравственном отношении: Безупречен»⁴¹.

В отношении последнего пункта полковник А. А. Манвелов оказался не совсем прав. Василий Викторович тайно женился на выдающейся русской певице Анастасии Вяльцевой и по этой причине в чине полковника в феврале 1913 года был вынужден покинуть полк. Брак оказался неудачным. В декабре 1912 года у певицы был обнаружен рак. Несмотря на переливание крови от Василия Викторовича, она умерла 4 февраля 1913 года. Накануне войны Бискупский вернулся на службу в качестве офицера 16-го Иркутского гусарского полка и отправился с ним на фронт. С 27 декабря 1914 по 15 января 1917 года командовал 1-м Лейб-драгунским Московским полком. За участие в летнем наступлении 1916 года был награжден орденом Святого Георгия IV степени и «пожалован» званием генерал-майора. В январе 1917 года Бискупский получил под свое начало 1-ю бригаду 3-й кавалерийской дивизии.

³² По всей вероятности речь идет об Александре Дмитриевиче Хомутове, 1897 года рождения, выпускника Павловского военного училища, подпоручика гвардии с 17 мая 1909 г. (см.: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2577. Оп. 2. Д. 356, 371).

³³ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 18. Л. 7951.

³⁴ РГВИА. Ф. 2577. Оп. 2. Д. 353, 356.

³⁵ См.: Епанчин Н. А. На службе трех императоров. Воспоминания. М.: Наше наследие, 1996. С. 497.

³⁶ РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 3145. Л. 24.

³⁷ Там же.

³⁸ Офицеры Конно-гвардейского (Лб.-гв.) полка, участвовавшие в Русско-японской войне // Краткий очерк истории Лейб-гвардии Конного полка. СПб., 1907. С. 12.

³⁹ Аттестация за 1910 г. ротмистра Василия Бискупского, командира 3 эскадрона с 13.IV.1906 // РГВИА. Ф. 3543. Оп. 2. Д. 1897. Л. 1.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 3145. Л. 24.

⁴¹ Аттестация за 1910 г. ротмистра Василия Бискупского... Л. 1.

После революционных потрясений Василий Викторович оказался на Украине и 29 апреля 1918 года был назначен командующим войсками гетмана П. П. Скоропадского. В 1919 году эмигрировал в Германию, где после сложных переговоров с П. Р. Бермонд-Аваловым и безуспешных попыток забрать у него Западную армию, возглавил в качестве министра-председателя и министра иностранных дел Западно-русское правительство.

Сближение Бискупского с немцами, в частности с генералом Рюдигером фон дер Гольцем, произошло во время «гетманщины». Р. фон дер Гольц вспоминал о Василии Викторовиче: «Генерал Бискупский, выходец из русской гвардейской кавалерии, в войну достигший поста командира кавалерийской дивизии, был необычной личностью. Опытный полководец, весьма светский и элегантный, очень хорошо выглядящий, умный, обладавший политическими воззрениями, весьма умелый оратор...»⁴².

В 1920 году устанавливается прочная связь Василия Викторовича и с вел. кн. Кириллом Владимировичем.

Из других приближенных к великому князю можно выделить графа В. А. Бобринского и В. П. Мятлева, в прошлом офицера гусарского полка, а также генерала Е. П. Доливо-Долинского, начальника канцелярии «Блюстителя Государева престола» в прошлом офицера Лейб-гвардии Петроградского полка. При его непосредственном участии 30 апреля 1924 года был организован КИАиФ, который был подчинен великому князю и вел активную борьбу с РОВСом с целью создания единой русской армии за границей. Противостояние РОВСа и КИАиФ — отдельная страница в истории «кирилловцев». Деятельность КИАиФ, численность которого первоначально составляла около 15 тыс. человек, привела к тому, что к началу 1930-х годов ряды РОВСа сократились на 1/3, а часть его деятелей была серьезно дискредитирована.

В 1924 году генерал Е. П. Доливо-Долинский по протекции В. В. Бискупского был заменен морским офицером финляндского происхождения, участником Цусимского сражения Г. К. Графом, сделавшим при великом князе стремительную карьеру от капитана II ранга до контр-адмирала⁴³. В 1941 году он был арестован ГЕСТАПО и помещен в концентрационный лагерь. Сын великого князя Владимир Кириллович «сместил» его с должности начальника Управления по делам вел. кн. Владимира Кирилловича и полностью отказался от «его услуг».

Генерал Н. А. Епанчин отмечал, что первоначально В. В. Бискупский делал ставку на вел. кн. Дмитрия Павловича, которому в сентябре 1920 года исполнилось 29 лет и который, в отличие от вел. кн. Кирилла, не был скомпрометирован «неудачным браком» и лояльным отношением к февральским событиям 1917 года⁴⁴. В эмиграции вел. кн. Кириллу все время напоминали про красный флаг над его дворцом в февральские дни и интервью (со ссылкой на П. А. Половцева), в котором он отмечал: «Мой дворник и я одинаково видели, что со старым правительством Россия потеряет все»⁴⁵.

К вел. кн. Дмитрию Павловичу был прочно приклеен ярлык «убийцы Распутина»⁴⁶. Примечательно, что после убийства группа великих князей (среди них был Кирилл Владимирович) вступилась за Дмитрия Павловича, который, по версии вел. кн. Андрея Владимировича, был «арестован императрицей»⁴⁷. Отношение к этому событию после расстрела царской семьи кардинальным образом изменилось в худшую сторону для его участников.

Практически сразу же выяснилось, что вел. кн. Дмитрий Павлович участия в политических играх принимать не желает. Он предпочел спасению России торговлю шампанским. Н. А. Епанчин отмечал, что после отказа вел. кн. Дмитрия от «предложения» Бискупского последний «открыто заявил, что он раньше был сторонником Великого князя Дмитрия Павловича, но теперь он перешел на сторону Великого князя Кирилла Владимировича (так как Великий князь Дмитрий Павлович “ушел в кусты”...)»⁴⁸. Генерал Н. А. Епанчин резюмирует поведение Бискупского

⁴² Гольц Р. фон дер, граф. Моя миссия в Финляндии и Прибалтике / пер. с нем., вступ. ст., коммент. Л. Ланника. СПб. : Европ. ун-т в СПб., 2015. С. 226–227.

⁴³ С 1924 по 1938 г. занимал пост начальника Канцелярии Его Императорского Величества. К моменту смерти великого князя имел звание контр-адмирала (См.: Епанчин Н. А. На службе трех императоров. Воспоминания. С. 506).

⁴⁴ Вел. кн. Кирилл Владимирович отреагировал на революцию крайне неоднозначно: фактически он поддержал ее, предложив Государственной Думе услуги подчиненного ему Гвардейского экипажа.

⁴⁵ Половцев П. А. Дни затмения: записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П. А. Половцева в 1917 г. М. : Вече, 2016. С. 33.

⁴⁶ Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова. С. 206.

⁴⁷ Там же. С. 218.

⁴⁸ Епанчин Н. А. На службе трех императоров. С. 497.

следующей репликой: «С этих пор генерал Бискупский стал не только сторонником Великого князя Кирилла Владимировича, но, как его называли, *великим визирем*»⁴⁹.

Историк М. Келлогг считал, что В. В. Бискупский стремился не только к реставрации монархии в России. Он отмечал, что Василий Викторович «усердно работал «за кулисами» (европейской политики. — *Ч. Г.*), стремясь организовать военизированные силы с целью восстановления монархических режимов в Центральной и Восточной Европе»⁵⁰. Генерал стремился наладить контакты со всеми прогерманскими, антибольшевистскими «белыми» эмигрантскими группами в Германии⁵¹.

В идеале центром сплочения антибольшевистских сил мог стать «российский император в изгнании» — вел. кн. Кирилл Владимирович. Бискупским отрабатывалась идея, согласно которой военная элита Германии и России близки друг другу по духу и не могут терпеть унижения со стороны «союзников» и большевиков (впоследствии появятся политические ярлыки: «мировое еврейство», «еврейский капитал», «торгаши») в отношении своей Родины. Честь офицера и дворянина, как главного защитника Отечества, превыше всего. Эту мысль на свой лад также озвучил генерал П. Р. Бермонд-Авалов: «В центре общемировой жизни за последние семь лет стоит Россия, потрясенная сначала войной, а затем и революцией. В смысле государственных потрясений за ней стоит Германия, и, таким образом, в истории отчетливо обрисовываются две разрушенные страны, два угнетенных народа»⁵².

В. В. Бискупский также вел активную борьбу по разрушению РОВСа, надеясь привлечь его членов в ряды «кирилловцев» и таким образом расширить военную составляющую движения.

В частности, А. А. фон-Лампе описал указанную борьбу в Венгрии. Генерал отмечал: «...поход идет и шел против всех не кириллистов, успех его обеспечивается отсутствием в стране наших представительств и постоянным там пребыванием «легитимистов», а также их готовностью пачкать имя русских как угодно, до обвинения в большевизме, социализме и хищениях... Говорю быть может потому, что пока видел против себя только обвинения в франкофильстве, которое распространяется кириллистами и большевиками»⁵³.

В. В. Бискупский стремился получить представление о ситуации в России путем установления контактов с «совневающими» в советском военном руководстве, в первую очередь с «бывшими» офицерами императорской армии, перешедшими на службу в РККА. Данная «активность» внимательно отслеживалась советскими спецслужбами, стремившимися в свою очередь использовать как генерала, так и вел. кн. Кирилла в своей политической игре.

В ноябре 1925 года в Берлин был направлен агент ГПУ Попов, выдававший себя за представителя штаба Внутренней российской национальной организации. Он встретился с генералом Бискупским и договорился о ведении совместной «антисоветской работы». В разговоре речь также зашла о возможном использовании в целях антибольшевистской борьбы бывшего семеновца М. Н. Тухачевского, демонстрировавшего якобы бонапартистские настроения. О данном разговоре Попов доносил в ОГПУ следующее: «Бискупский очень интересовался, что из себя представляет Н. И. Раттэль, О. И. Савватеев, М. Н. Тухачевский и новые командующие армиями. А когда я ему несколькими мазками нарисовал Тухачевского как чистейшего бонапартиста, то он сказал, чтобы мы обещали ему, что госу-дарь (великий князь Кирилл Владимирович) его назначит флигель-адъютантом, если он перейдет на нашу сторону в нужный момент и вообще бы не скупился всяких наград лицам, нам нужным, если этим можно перетянуть их на свою сторону»⁵⁴.

Примечательно, что в начале 1927 года В. В. Бискупский организовал встречу Попова с О. К. Энकेлем, представителем организации «Стальной шлем», открыто демонстрировавшей профашистскую направленность своей деятельности⁵⁵. Данная информация подводит нас к еще одному направлению в деятельности В. В. Бискупского и великого князя — их связи с национал-социализмом.

Очевидно, что наиболее туманной частью биографии генерала Бискупского (и соответственно вел. кн. Кирилла Владимировича) являлась его (их) связь с организацией

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Kellogg M. *The Russian Roots of Nazism / Wight Emigres and the Making of National Socialism, 1917–1945*. Cambridge University Press, 2005. Vol. 14.

⁵¹ См. там же.

⁵² Бермонд-Авалов П. Р. В борьбе с большевизмом. М. : Вече, 2017. С. 425.

⁵³ ГАРФ. Ф. 5853. Оп. 1. № 30. м/ф 2. Дневник 49–54. Л. 143.

⁵⁴ Трагедия РККА. М. Н. Тухачевский и военно-фашистский заговор // Военно-исторический архив. Вып. 1. М. : Церера, 1997. С. 241.

⁵⁵ См. там же.

«Ауфбау»⁵⁶ и с одним из ее главных руководителей М. Э. фон Шойбнер-Рихтером, членом Национал-социалистической немецкой рабочей партии⁵⁷ с 1920 года.

Американский историк М. Келлогг в ряде своих работ указывает (без ссылки на источник), что А. Гитлер был членом «Ауфбау» (в организацию также входил секретарь НСДАП Макс Амман)⁵⁸. В свою очередь генерал Н. А. Епанчин отмечал устойчивую связь Гитлера с «Ауфбау» и членство в ней Альфреда Розенберга, редактора газеты «Volkischer Beobachter», а также их постоянные контакты с В. В. Бискупским и Г. В. Немировичем-Данченко⁵⁹. Он описывает участие последних в подготовке Капповского путча, который можно считать попыткой построить в Германии милитократию с аристократическим уклоном.

Именно по линии «Ауфбау» А. Гитлер получал деньги на возрождение «российско-германских связей» от вел. кн. Кирилла Владимировича и «Даки», по всей вероятности через В. В. Бискупского. Историк Дж. Стефан пишет о том, что Гитлер еще в 1922 году приезжал в Кобург «для участия в собраниях по случаю дня Германии», а «Виктория почтила присутствием несколько слетов штурмовых отрядов»⁶⁰.

Степень близости «императора Кирилла» и будущего «фюрера германской нации» вызывает серьезные споры историков, особенно зарубежных. Тема о русских корнях германского фашизма является одной из наиболее излюбленных для конструирования политических мифов и ведения идеологической войны.

В середине 1920-х годов А. Гитлер казался одним из многочисленных авантюристов, а к тому моменту, когда он утвердился во власти, великокняжеской четы в Германии уже не было. Сложно также определить степень восприятия великим князем национал-социалистических идей. Романовым начиная с эпохи Александра III был не чужд национализм и антисемитизм как своеобразная реакция на политический экстремизм и революцию, в которых оказался значительный процент «инородцев», а скорее «иноверцев». Отец великого князя, вел. кн. Владимир Александрович, был одним из организаторов «Священной дружины», одного из главных инструментов так называемой «реакции» («политической реакции») после убийства Александра II. Примечательно, что о своем «генетическом антисемитизме» (как некой «визитной карточке» Романовых в целом) писал вел. кн. Александр Михайлович. «Стараясь быть честным с самим собой, я пришел к заключению, что мой духовный актив был отягощен странным избытком ненависти. Ненавистью к личностям и даже целым нациям». Указанную «ненависть» применительно к себе великий князь объясняет пагубным влиянием православной догматики («влиянием учения православной церкви»⁶¹) и доктриной официального патриотизма, которая «вбивалась ему в голову»⁶². Он отмечал, что его наставник отец Георгий Титов внушал ему антисемитские установки, во многом «противоречащие христианскому учению»⁶³.

Вел. кн. Кирилл Владимирович крайне брезгливо относился к методам политической борьбы и особенностям построения государства, характерным для нацистов. Он не смог принять учение о «высшей расе», хотя был «большим арийцем», чем Гитлер и его политическое окружение. Фашизм выглядел для него как одна из разновидностей охлократии, а он, в отличие от Гитлера, до уровня толпы опускаться не хотел. Но подчеркнем еще раз: вел. кн. Кирилл *не осуждал нацизм*, а просто испытывал к нему брезгливое отношение. В основных программных документах 20-х годов (1924, 1928) великий князь декларировал национальную, культурную и религиозную терпимость и призывал к тому, что позднее было названо толерантностью и «культурным диалогом».

Так, в «Высочайшем рескрипте...» от 19 декабря 1924 года подчеркивалась необходимость «соглашения с народностями, отпавшими от России и получившими за время смуты особое государственное устройство». Кроме этого, декларировалось «установление действенных начал

⁵⁶ Организация «Aufbau» («Возрождение») создана Максом Эрвином фон Шойбнером Рихтером и Эрихом фон Людендорфом в 1920 г. для «восстановления хозяйственных связей между Германией и Россией». В силу законспирированного характера деятельности данной организации информация о ее деятельности пока еще имеет неполный характер.

⁵⁷ Ее предшественница — партия DAP — была основана в 1919 г. Свое полное название, NSDAP, партия получила в феврале 1920 г. Тогда же была обнародована программа «25 пунктов», составленная А. Гитлером.

⁵⁸ Q. v.: Kellogg M. The Russian Roots of Nazism. P. 123.

⁵⁹ См.: Епанчин Н. А. На службе трех императоров. С. 508–509.

⁶⁰ Стефан Дж. Русские фашисты 1925–1945. М.: Слово, 1992. С. 32.

⁶¹ Великий князь Михаил Александрович. Книга воспоминаний. М.: Современник, 1991. С. 77.

⁶² Там же. С. 76.

⁶³ Там же. С. 77.

веротерпимости»⁶⁴. А в «Декларации императора Кирилла I...» от 26 января 1928 года отмечалась необходимость полного искоренения «угнетения других национальностей русским большинством»⁶⁵. Отрицалась вероятность дискриминации по национальному, религиозному и социальному признакам⁶⁶.

Следует отметить, что М. Э. фон Шойбнер-Рихтер и В. В. Бискупский также установили контакты с Львом Александровичем Казим-Бекем, который в начале 1920-х годов был президентом «Клуба русских монархистов» в Венгрии. С Казим-Бекем связан последний период политических прожектов вел. кн. Кирилла Владимировича, который между 1925 и 1926 годами переехал из Кобурга во Францию и проживал на вилле Кер-Аргонид в Сен-Бриак-сюр-Мере в Бретани (департамент Иль и Вилен, регион Бретань).

Политическая концепция Казим-Бека, в 1930-е годы лидера «младороссов», о возможности построения «социальной монархии», основанной на идее о том, что революция есть «рождение монархии нового типа», опорой которой будет выступать пролетариат как основной класс после завершения индустриализации, показалась великому князю крайне привлекательной.

Казим-Бек также полагал, что в отличие от «бездушного», детерминированного «материалистически учения» и политической экономией коммунизма, монархия обладает «органической» животворительной силой, основанной на особом типе духовности, генетически присущей русскому народу. Власть Советов без коммунизма как политической доктрины и партократической модели государственности может стать прочной опорой монархии. Таким образом, возможен союз «Народного Царя» и «Советской власти» как некий симбиоз монархического конституционализма и гражданского общества. Казим-Бек также призывал к поиску контактов и сотрудничеству с СССР.

В то же время Казим-Бек не скрывал своих симпатий к фашизму, в первую очередь «итальянскому» (в своей биографии он открыто пишет о личных «симпатиях» к Б. Муссолини⁶⁷), и верил в весьма скорую «фашизацию» России. Французский историк М. Массип приводит следующее извлечение из биографии Казим-Бека: «Как и все мое поколение, я испытал влияние фашизма, организаторский и дисциплинарный опыт которого нам казался надеждой на лучшее устройство мира...»⁶⁸. И далее: «...в 1934 году в ожидании встречи с Муссолини я был настроен еще очень положительно к нему и к итальянскому фашизму»⁶⁹. В одном из отчетов МИД Италии от 12 апреля 1934 года отмечалось: «Он (Казим-Бек. — Г. С.) исповедовал монархистские взгляды и был сторонником великого князя Кирилла... Он слывет как германофильский и итальянский фашист, питающий особые симпатии к Италии»⁷⁰, а также как «руководитель русских фашистов», стремящийся «организовать белых из России по фашистской модели»⁷¹.

Великому князю данные идеи были более симпатичны, чем абсолютизм или имперский национал-социализм, но после того как в 1937 году Казим-Бек оказался дискредитирован связью с ГПУ, вел. кн. Кирилл Владимирович отшатнулся от него. Это еще раз продемонстрировало, что великий князь так и не смог самостоятельно сформулировать четкую и последовательную политическую программу.

2 марта 1936 года умирает супруга великого князя Виктория Федоровна. Это событие можно считать началом прекращения политической активности Кирилла Владимировича. К тому же у него наблюдаются серьезные проблемы со здоровьем, выражающиеся в частичном параличе левой ноги и проблемах с кровообращением — сказывались последствия пережитой им во время Русско-японской войны гибели эскадренного броненосца «Петропавловск». Несмотря на то что в своих дневниках А. Н. Куропаткин указывал на «легкое ранение» великого князя, со временем оно вылилось в неизлечимую прогрессирующую болезнь⁷².

По этому поводу М. Ф. Кшесинская писала: «Участие в Русско-японской войне сильно подорвало здоровье великого князя. <...> Из-за длительного пребывания в холодной морской воде после затопления «Петропавловска» великий князь до конца жизни страдал от болей в ногах в

⁶⁴ Кирилл I Владимирович. Государь Император Всероссийский в изгнании. Рязань, 2006. С. 28.

⁶⁵ Там же. С. 32.

⁶⁶ См. там же.

⁶⁷ См.: Русская эмиграция и фашизм... С. 70.

⁶⁸ Там же. С. 69.

⁶⁹ Там же. С. 70.

⁷⁰ Там же. С. 71.

⁷¹ Там же. С. 72.

⁷² См.: Куропаткин А. Н. Дневник генерала А. Н. Куропаткина. М.: Гос. публ. б-ка России, 2010. С. 266.

результате нарушения кровообращения. Кроме этого, он тяжело пережил смерть жены, что еще больше подорвало его здоровье»⁷³.

Примечательно, что именно после похорон Виктории Федоровны генерал В. В. Бискупский окончательно порывает с «авантюрами», в силу того что в основном именно Виктория Федоровна обеспечивала его финансами, и начинает работать в официальных структурах Третьего рейха. До этого, как и князь П. Р. Бермонд-Авалов, обвиненный в растрате выделенных ему средств, он был арестован, но фактически сразу же выпущен на свободу. За князя ходатайствовал сам Бенито Муссолини: в Третий рейх Павел Рафаилович больше не вернулся. Кирилл Владимирович умер в американском госпитале в Париже 12 сентября 1938 года.

Последние годы жизни великого князя еще раз продемонстрировали, что для высшей аристократии Европы даже после череды революций не существовало государственных границ: вел. кн. Кирилл Владимирович свободно перемещался между европейскими государствами, включая нацистскую Германию, где Романовы были идентифицированы как «арийцы». Но одно государство для него все равно оставалось закрытым. Это была его родина — Россия, в которой бурлила совсем другая, непонятая и непринятая русской монархической эмиграцией жизнь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Бермонд-Авалов П. Р. В борьбе с большевизмом. — М. : Вече, 2017. — 432 с.
2. Великая княгиня Мария Павловна. Мемуары. — М. : Захаров, 2017. — 512 с.
3. Великий князь Михаил Александрович. Книга воспоминаний. — М. : Современник, 1991. — 271 с.
4. Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917) / сост. В. М. Осин, В. М. Хрусталева. — М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2008. — 448 с.
5. Голдин В. И. Солдаты на чужбине. Русский общевоинский союз, Россия и русское зарубежье в XX–XXI вв. — Архангельск : СОЛГИ, 2006. — 794 с.
6. Гольц Р. фон дер. Моя миссия в Финляндии и Прибалтике / пер. с нем., вступ. ст., коммент. Л. Ланника. — СПб. : Европ. ун-т в Санкт-Петербурге, 2015. — 318 с.
7. Епанчин Н. А. На службе трех императоров. Воспоминания. — М. : Наше наследие, 1996. — 576 с.
8. Колодникова Л. П. Документы информационной службы ВЧК-ГПУ о деятельности в начале 1920-х годов русских зарубежных монархических организаций // Известия Самарского научного центра РАН. — 2009. — Т. 11, № 2. — С. 250–256.
9. Кирилл I Владимирович. Государь Император Всероссийский в изгнании, 1876–1938: мемориальный сборник к 130-летию со дня рождения / сост. и ред. К. К. Немирович-Данченко. — М., 2008. — 48 с.
10. Куропаткин А. Н. Дневник генерала А. Н. Куропаткина / вступ. ст. О. Р. Айрапетов. — М. : Гос. публ. б-ка России., 2010. — 455 с.
11. Кшесинска М. Ф. Воспоминания / пер. с фр. Л. Папилиной. — Смоленск : Русич, 1998. — 416 с.
12. Лемке М. К. 250 дней в царской ставке 1916. — Минск : Харвест, 2003. — 672 с.
13. Назаров М. Миссия русской эмиграции. — Ставрополь : Кавказский край, 1992. — Т. 1. — 414 с.
14. Офицеры Конно-гвардейского (Лб.-гв.) полка, участвовавшие в Русско-японской войне // Краткий очерк истории Лейб-гвардии Конного полка. — СПб., 1907. — 117 с.
15. Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг. : документы и материалы / под ред. А. Ф. Киселева. — М. : ВЛАДОС, 1999. — 776 с.
16. Половцев П. А. Дни затмения: записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П. А. Половцева в 1917 г. — М. : Вече, 2016. — 320 с.
17. Русская эмиграция и фашизм. Статьи и воспоминания / отв. ред. и сост. Ю. В. Жуков. — СПб. : С.-Петербург. гос. архитектурно-строит. ун-т, 2011. — 264 с.
18. Сводка Иностранного отдела ВЧК о русском монархическом движении за границей // Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. Т. 1 : Так начиналось изгнание 1920–1922 гг. — Кн. 2. — М. : Гея, 1998. — 751 с.
19. Стефан Дж. Русские фашисты 1925–1945. — М. : СЛОВО, 1992. — 441 с.
20. Трагедия РККА. М. Н. Тухачевский и военно-фашистский заговор // Военно-исторический архив. — М. : Церера, 1997. — Вып. 1.
21. 1922 год: из документов ВЧК-ОГПУ о деятельности русских монархических организаций в СССР и за рубежом. URL : <http://inmrf.ru/russian-history/the-fate-of-the-russian-statehood/1922-god-iz-dokumentov-vchk-ogpu-o-deyatelnosti-russkih-monarhicheskikh-organizacij-v-sssr-i-za-rubezhom.html> (дата обращения: 25.07.2019).

⁷³ Кшесинска М. Ф. Воспоминания / пер. с фр. Л. Папилиной. Смоленск, 1998. С. 387.

22. Kellogg M. *The Russian Roots of Nazism / Wight Emigres and the Making of National Socialism, 1917–1945.* — Cambridge University Press, 2005. — Vol. 14. — 327 pp.

Сведения об авторе

Чувардин Герман Сергеевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Орловского государственного университета) имени И. С. Тургенева, г. Орел.

Сфера научных интересов: социальная история, «персональная история», военная история, просопографический подход в исторической науке, элитология, историческая психология.

Контактная информация: электронный адрес: wodantag@mail.ru

H. S. Chuvardin

EMPEROR CYRIL I AND THE ULTRA-ROYALIST FUTURE OF RUSSIA: HOPES, FRUSTRATION, FALSE PRETENCES

The article analyzes the formation and evolution of the legitimist political movement among Russian emigrants in the 1920s–1930s. The research treats the personality of the self-proclaimed Russian Emperor in exile, Grand Duke Cyril Vladimirovich of Russia. The article centers on the social aspects of the political movement, on the values it adheres to, on development trends it is willing to pursue, on the forms of political struggle it has chosen. The article also focuses on officers of the Russian Imperial Guard and on their involvement in the ultra-royalist movement. The research analyzes the peculiarities of political emigration from Russia during the aforementioned time period.

The article underlines that the legitimist movement was characterized by inconsistent guidelines, promiscuous collaboration with various political forces (including national socialists), ambiguous mechanisms of political struggle, and populist nature of political slogans. The severe crisis of the movement and its political fiasco are associated with the death of Grand Duke Cyril Vladimirovich, who was, probably, the only one to integrate these otherwise uncoordinated elements.

military emigration; legitimism; Cyrillists; Russian All-Military Union; Imperial Guard

REFERENCES

1. Bermond-Avalov P. R. *V bor'be s bol'shevizmom* [Fighting Bolshevism]. Moscow, Veche Publ., 2017, 432 p. (In Russian).
2. *Velikaja knjaginja Marija Pavlovna. Memuary* [Grand Duchess Maria Pavlovna of Russia. Memoirs]. Moscow, Zakharov Publ., 2017, 512 p. (In Russian).
3. *Velikij knjaz' Mihail Aleksandrovich. Kniga vospominanij* [Grand Prince Mikhael Aleksandrovich of Russia. Memoirs]. Moscow, Contemporary Publ., 1991, 271 p. (In Russian).
4. Osin V. M., Hrustalev V. M. (comp.) *Voennyj dnevnik velikogo knjazja Andreja Vladimirovicha Romanova (1914–1917)* [The Military Journal of Grand Duke Andrey Vladimirovich Romanov of Russia (1914–1917)]. Moscow, Sabashnikovs Publ., 2008, 448 p. (In Russian).
5. Goldin V. I. *Soldaty na chuzhbine. Russkij obshhevoinskij sojuz, Rossiya i russkoe zarubezh'e v XX–XXI vekah* [Soldiers in Foreign Lands. The Russian All-Military Union, Russia and Russian Emigration in the 20th–21st Centuries]. Arkhangelsk, SOLTI Publ., 2006, 794 p. (In Russian).
6. Gol'c R. fon der. *Moja missija v Finlandii i Pribaltike* [My Mission in Finland and the Baltic States]. St. Petersburg, European Institute at St. Petersburg, 2015, 318 p. (Transl. form German).
7. Epanchin N. A. *Na sluzhbe treh imperatorov. Vospominaniya* [Serving Three Emperors. Memoirs]. Moscow, Our Heritage Publ., 1996, 576 p. (In Russian).
8. Kolodnikova L. P. Documents of the Information Service of the All-Russian Extraordinary Commission of the State Political Administration on Russian Monarchist Organizations Abroad (the Early 1920s). *Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk* [Proceedings of Samara Research Center of the Russian Academy of Sciences]. 2009, vol. 11, no. 2, pp. 250–256. (In Russian).
9. Nemirovich-Danchenko K. K. (comp., ed.) *Kirill I Vladimirovich. Gosudar' Imperator Vserossijskij v izgnanii, 1876–1938: memorial'nyj sbornik k 130-letiju so dnja rozhdenija* [Cyril I Vladimirovich of Russia. Emperor in Exile, 1876–1938: Memorial Collection. Commemorating the 130th Birth Anniversary]. Moscow, 2008, 48 p. (In Russian).
10. Kuropatkin A. N. *Dnevnik generala A. N. Kuropatkina (vstupitel'naja statja O. R. Ajrapetov)* [General A. N. Kuropatkin's Journal. Introductory Essay by O. R. Ajrapetov]. Moscow, Russian State Public Library, 2010, 455 p. (In Russian).

11. Kshesinska M. F. *Vospominanija* [Memoirs]. Smolensk, Rusich Publ., 1998, 416 p. (Transl. from French).
12. Lemke M. K. *250 dnei v carskoj stavke 1916* [250 Days in the Tsar's Stavka]. Minsk, Harvest Publ., 2003, 672 p. (In Russian).
13. Nazarov M. *Missija russoj jemigracii* [The Mission of the Russian Emigration]. Stavropol, Caucasus Publ., 1992, vol. 1, 414 p. (In Russian).
14. Officers of the Life Guards Horse Regiment Taking Part in the Russo-Japanese War. *Kratkij ocherk istorii Lejb-gvardii Konnogo polka* [Historical Sketches of the Life Guards Horse Regiment]. St. Petersburg, 1907, 117 p. (In Russian).
15. Kiselev A. F. (ed.) *Politicheskaja istorija russoj jemigracii. 1920–1940 gody: dokumenty i materialy* [Political History of the Russian Emigration of the 1920s–1940s: Documents and Materials]. Moscow, VLADOS Publ., 1999, 776 p. (In Russian).
16. Polovcev P. A. *Dni zatmenija: zapiski glavnokomandujushhego vojskami Petrogradskogo voennogo okruga generala P. A. Polovceva v 1917 godu* [Obscure Days: Memoirs of General P. A. Polovtsev, Commander-in-Chief of the Petrograd Military District (1917)]. Moscow, Veche Publ., 2016, 320 p. (In Russian).
17. Zhukov Ju. V. (ed., comp.) *Russkaja jemigracija i fashizm. Stat'i i vospominanija* [Russian Emigration and Fascism. Articles and Memoirs]. St. Petersburg, St. Petersburg State University of Architecture, 2011, 264 p. (In Russian).
18. The Bulletin of the External Department of the All-Russian Extraordinary Commission on the Russian Monarchist Movement Abroad. *Russkaja voennaja jemigracija 20–40 godov. Dokumenty i materialy. Tom 1: Tak nachinalos' izgnan'e 1920–1922 gody*. [Russian Military Emigration of the 1920s–1940s. Documents and Materials. Vol. 1: This is How it Started.]. Moscow, Gaia Publ., 1998, b. 2, 751 p. (In Russian).
19. Stefan Dzh. *Russkie fashisty 1925–1945* [The Russian Fascists of 1925–1945]. Moscow, WORD Publ., 1992, 441 p. (In Russian).
20. The Tragedy of the Workers' and Peasants' Red Army. M. N. Tukhachevsky and the Military-Fascist Conspiracy. *Voенно-istoricheskij arhiv* [Military Historical Archive]. Moscow, Ceres Publ., 1997, iss. 1. (In Russian).
21. *1922 god: iz dokumentov Vserossijskoj chrezvychajnoj komissii gosudarstvennogo politicheskogo upravlenija o dejatel'nosti russkih monarhicheskikh organizacij v SSSR i za rubezhom* [1922: Documents of All-Russian Extraordinary Commission of the State Political Administration]. URL : <http://inmrf.ru/russian-history/the-fate-of-the-russian-statehood/1922-god-iz-dokumentov-vchk-ogpu-o-deyatelnosti-russkih-monarhicheskikh-organizacij-v-sssr-i-za-rubezhom.html> (Accessed: 25.07.2019). (In Russian).
22. Kellogg M. *The Russian Roots of Nazism. White Emigrés and the Making of National Socialism, 1917–1945*. Cambridge University Press Publ., 2005, vol 14, 327 p.

Information about the author

Chuardin Herman Sergejevich — Doctor of History, Professor in the Department of Russian History at Orel State University named for I. S. Turgenev (Orel).

Research interests: social history, personal history, military history, prosopographical approach, elitology, historical psychology

Contact information: e-mail: wodantag@mail.ru

Поступила в редакцию 18.01.2019

Received 18.01.2019